

18+

ГАЗИЗ АКМЫРЗА

ВОЛК В КЛЕТКЕ

1 часть

Газиз Акмырза

**Волк в клетке. Он потерял
свободу. Но не себя**

«Издательские решения»

Акмырза Г.

Волк в клетке. Он потерял свободу. Но не себя / Г. Акмырза —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-679008-7

Газиз Акмырза — не просто автор. Он — свидетель. Мужчина, прошедший своё. Не придумывает — пишет, как дышит. «Волк в клетке» — это история падения и внутреннего восстания. Это роман о человеке, которого бросили в ад, но он выжил и остался собой. Это не просто тюрьма. Это зеркало, в котором видно, кто ты есть на самом деле. Пронзительно. По-мужски. Без фальши. Читай, если готов.

ISBN 978-5-00-679008-7

© Акмырза Г.
© Издательские решения

Содержание

ГАЗИЗ АКМЫРЗА	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ДОРОЖНАЯ СУМКА	7
ПЫЛЬ НА БОТИНКАХ	8
СУМКА, СТЕНЫ И ТИШИНА	12
ТЕНЬ У СТЕНЫ	14
ПЫЛЬ И ЗАПАХ КРОВИ	16
УРОК ОТЦА	18
ЯЗЫК КАМНЯ	19
ЖИВАЯ КОСТЬ	21
МАМА	23
– Я.	24
СТЕКЛО И СТАЛЬ	25
ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Волк в клетке Он потерял свободу. Но не себя

Газиз Акмырза

© Газиз Акмырза, 2025

ISBN 978-5-0067-9008-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**ГАЗИЗ АКМЫРЗА
ВОЛК В КЛЕТКЕ
ТРИЛОГИЯ**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДОРОЖНАЯ СУМКА

Меня зовут Аслан, и десять лет назад я вышел из дома с обычным спортивным рюкзаком и билетом в один конец. Мама думала, что я лечу на заработки в Гуанчжоу. Я сам себе врал, что всё будет быстро, легко и без следов. Но в день, когда китайский таможенник поднял брови, глядя на мою сумку, моя жизнь закончилась. Или началась заново – если можно так сказать про тюрьму.

Я был обычным парнем из Шымкента. Работы не было, денег – тем более. Улица учит быстро: либо ты крутишься, либо тебя крутят. Когда один знакомый предложил «сгонять в Китай с товаром» за круглую сумму, я даже не спросил, что за товар. Тогда мне казалось, что молчание – это смелость. На деле – это была полнейшая глупость.

Я помню запах аэропорта – смесь кофе, керосина и дешёвого дезодоранта. Помню, как дрожали руки, когда я проходил сканер. И помню холодный взгляд офицера, который остановил меня всего на пару слов. А потом началось то, к чему нельзя быть готовым никогда...

ПЫЛЬ НА БОТИНКАХ

– Всё просто, брат, – сказал Айдар Калназаров. – Один рейс. Летишь, отдаёшь сумку, получаешь свои деньги. Никакого риска. Все так делают.

Он улыбался. Его улыбка всегда казалась мне фальшивой. Но тогда... мне нужно было верить.

...Отец умер, когда мне было семнадцать – сердце. Мать выживала как могла – продавала вещи на базаре, иногда в долг. Считали с матерью каждую копейку.

Я помню, как она гладила мою голову после проигранного боя на соревнованиях и говорила:

– Асланым, ты не бойся падать. Главное – встать.

Я тогда не знал, как глубоко можно упасть...

После армии перебивался как мог. Ремонтировал машины, подрабатывал на стройке. Когда уволили с последнего места – я просто сел на бордюр и смотрел в землю.

А потом объявился Айдар. У него было всё: джип, часы, купюры на взлёт. И он говорил, будто бы по-братски:

– Ты же не один, брат. У тебя мама. Хочешь, чтобы она так и умирала в коммуналке?

Этого я не хотел. Хотел вытащить её. Купить ей дом. Купить себе шанс. Вернуть нам имя и почет. Очень сильно хотел. Да так сильно что больше ничего не видел вокруг.

Я знал, что рано или поздно этот момент настанет. Может, не в Китае. Может, не сегодня. Но знал. Всё началось за шесть месяцев до этого рейса, в Шымкенте. Тогда я ещё работал в автомойке. Десять часов в день, стоя по колено в мыльной воде. Платили гроши, но я не жаловался. До тех пор, пока мать не заболела.

Рак. Диагноз, как удар кувалдой. Больница, лекарства, частные анализы – всё это стоило дороже, чем я мог даже представить. Я бегал везде, просил, кланчил. Но деньги – они быстро заканчиваются, особенно когда их нет.

И тут на автомойке появился Данияр, который потом свел меня с Айдаром. Мы раньше учились вместе. Он всегда был из тех, кто появляется на «тюнингованных» тачках, но никто не знал, чем он занимается. Сказал, что может помочь. Сказал, есть «вариант» – один раз, и все проблемы можно закрыть. Это потом я понял, что Данияр был обычным балаболом, который не отвечает за свои слова. Такой же, как и Айдар. Но понял я это слишком поздно.

– Просто заберёшь посылку в Китае, обратно везти ничего не надо. – Он курил, не глядя мне в глаза. – Деньги хорошие. Я тебе свою долю отдам, брат. Тебе ведь нужнее.

Я не сразу согласился. Но когда мама в очередной раз с трудом встала с кровати, я понял: у меня нет выбора. Или я спасаю её, или продолжаю мыть чужие машины и смотреть, как она уходит.

Мы сидели в его машине – чёрный «Лексус», запах кожи и дорогого одеколона. Вокруг темно, только свет от уличного фонаря льется через лобовое стекло. Он говорил спокойно, как будто объяснял, как доехать до рынка.

– Всё просто, брат. Улетишь из Алматы, там тебя встретят. В гостинице Урумчи переночуешь, утром тебя отвезут в одно место – там получишь сумку. Потом летишь в Гуанчжоу. Твоя задача: вернуться через тот же аэропорт. Всё. Без глупостей, без вопросов.

Я молчал. Он заметил мою тишину и усмехнулся.

– Не бойся. Ты не первый. Китайцы чётко работают, у них всё под контролем. Главное – не выделяйся. Веди себя, как турист. Будешь паниковать – спалят.

– А что в сумке?

– В сумке товар, за который тебе хорошо заплатят...

Он обернулся, взглянул серьёзно.

– Тебе лучше не знать подробностей. И даже не пытайся открыть. За это отвечаю я. Ты просто курьер. Сделаешь – получишь свои деньги. Не сделаешь – не будет смысла думать о последствиях.

Он протянул мне конверт – внутри уже были билеты, паспорт на моё имя, но немного отличающийся от настоящего, и немного наличных.

– Погуляй там денёк. Делай фотки, будь обычным туристом. Камеры везде. Нам важно, чтобы всё выглядело чисто.

Я взял конверт. Руки тряслись. С этого момента дороги назад не было.

А потом – самолёт. Аэропорт. Пограничник с каменным лицом. И голос, как выстрел в голову:

– Пройдите со мной.

Сумку они раскрыли молча. Я всё понял с первого взгляда.

И только тогда – по-настоящему. Это было как озарение: Айдар и Данияр знали. Знали, что отправляют меня на верную гибель...

Пограничник что-то сказал по-китайски, я не понял. Улыбнулся, как дурак. Он повторил, на этот раз строже, и показал на мою сумку. Я пожал плечами, мол, «всё нормально», но сердце уже билось где-то в горле.

Потом подошли двое. Один – в форме, второй – в гражданке, но по глазам было видно: полиция. Они провели меня в сторону, в маленькую комнату с зеркалом в стену. Зеркало было односторонним, я это сразу понял – как в кино. Только я больше не зритель. Я – тот, кого смотрят.

Сумку открывали медленно. Методично. Как будто уже знали, что искать. И вот один из них вытащил маленький пакетик, обёрнутый в чёрную плёнку. Второй не сказал ни слова – просто достал перчатки, вскрыл упаковку. Белый порошок. Я впервые в жизни увидел героин так близко. В нос ударил резкий, химический запах. Даже я понял: это не мука.

– You are under arrest, – сказал один на ломаном английском.

Я не ответил. Просто сидел. И даже не пытался отрицать. Что скажешь, когда за спиной с лязгом захлопываются первые двери?

Самолёт из Алматы в Урумчи вылетел в пять утра. Я не спал всю ночь. Сидел в зале ожидания, потягивал дешёвый кофе, смотрел на табло вылетов и пытался убедить себя, что всё под контролем.

Когда самолёт набрал высоту, я посмотрел в иллюминатор. Казахстан остался внизу – как будто я отрывался не только от земли, но и от прежней жизни. В кармане – китайская сим-карта, новая куртка, немного юаней и чёткий приказ: не задавать вопросов.

Рядом сидела китаянка – молчаливая, с наушниками. Я украдкой глядел, как она печатает на телефоне и смеётся. Для неё это был обычный рейс. Для меня – билет в неизвестность.

В голове крутилось: «Что, если это ловушка? Что, если сумка уже под наблюдением? Что, если я – просто расходный материал?». Но я гнал эти мысли. Поздно было отступать. Старался не думать о плохом. Мне же говорили – главное не паниковать, и все будет хорошо.

Я смотрел на карту полёта на экране перед креслом. Маленький самолётик пересекал границу. Китай. Никогда не думал, что в этот момент мне станет так холодно...

Аэропорт в Урумчи встретил меня влажной, тяжёлой жарой и бесконечным потоком людей. Все куда-то шли, говорили, спешили. Я держался уверенно, как учили Данияр и Айдар:

никаких лишних движений, никаких резких взглядов. Просто турист. Просто парень, впервые в Китае.

У выхода меня ждал мужчина в чёрной рубашке, с табличкой: «Mr. Aslan». Он не говорил ни слова. Просто кивнул и повёл за собой. В машине стояла тишина. Только звук кондиционера и уличный гул за стеклом. Я пытался разглядеть город – всё казалось нереальным: огромные здания, яркие неоновые вывески, иероглифы повсюду. Как в фильме, но я был в нём главным героем, без сценария.

Гостиница была обычной – три звезды, с вежливой девушкой на ресепшине и тусклым светом в коридоре. Мне выдали ключ, и я поднялся в номер. На столе уже лежала новая сумка. Чёрная, спортивная. Без опознавательных знаков. Я не открывал её – не имел права.

Всё было, как обещал Айдар Калназаров. Я знал: утром меня отвезут в аэропорт обратно. Главное – не паниковать. Главное – дожить до вылета.

Я лёг на кровать, но сон не приходил. За окном шумел город, гудели мопеды, мигали неоновые иероглифы. А я лежал и думал: если бы всё было так просто, разве это бы делали через меня? Зачем привлекать курьера из Казахстана?

Отель был дешёвый, с зашарпанными обоями и телевизором, который шипел даже выключенным. Я сидел у окна, глядя на ночной город. Где-то внизу застрелили собаку – я не вздрогнул. Лаяла как одержимая и вдруг перестала.

Сумка стояла у двери. Точно такая же, какую показывал в Шымкенте Айдар.

– Всё просто, брат, – сказал он тогда. – Проще и не бывает. Ты главное не паникуй и сохраняй спокойствие.

Проснулся я в четыре утра – как будто внутри что-то дёрнуло. В комнате было темно, только тусклый свет уличного фонаря пробивался сквозь занавеску. Я лежал и смотрел в потолок. Сердце стучало так громко, что казалось, его могут услышать через стену.

Я встал, умылся, сел на край кровати и посмотрел на сумку. Она просто стояла там, как молчаливое напоминание. В ней было что-то такое, за что можно сгнить в чужой тюрьме. Или умереть.

Я взял телефон. Открыл контакт Айдара. Палец завис над кнопкой вызова. Внутри всё кричало: «Позвони. Скажи, что передумал. Что не можешь. Пусть сам едет, или найдёт другого». Но я боялся одного – что меня объявят трусом и это пятно останется со мной на всю жизнь.

Я знал – назад дороги нет. Айдар не просит дважды. Он приказывает.

Я вышел на балкон. Город уже просыпался. Мопеды, фургончики с уличной едой, люди в форме. Все куда-то спешили. А я стоял, как вкопанный, с пустотой внутри. В этот момент я понял – я не хочу этого. Ни денег. Ни риска. Ни чужой вины.

Я почти решил оставить сумку и просто исчезнуть. Просто выйти, сесть на такси и поехать куда глаза глядят. Пусть ищут. Пусть злятся. Пусть даже найдут. Но хоть не с этой чёртовой сумкой.

И вот, когда я потянулся за курткой, в дверь постучали. Коротко и чётко.

– Time to go. – За дверью стоял тот же водитель. Ни тени эмоций на лице.

Я посмотрел на сумку. На дверь. И понял – я проиграл. Я не убежал.

В машине, которая везла меня в аэропорт, откуда я должен был вылететь в Гуанчжоу, было душно, несмотря на кондиционер. Я сидел с сумкой на коленях, как будто она могла бежать, если отпустить. Водитель молчал, слушал радио на китайском – бодрые голоса, которые звучали как насмешка.

Каждая минута приближала к моменту, который я уже не мог остановить. В голове пульсировало: «Просто пройди. Просто иди. Не вздыхай. Не оглядывайся. Всё будет нормально.»

Мы подъехали к терминалу. Я вышел, натянул на лицо уверенность. Как учили. Внутри – пустота, но снаружи я был просто турист. Камеры. Люди. Чемоданы. Воздух пах кофе и керосином.

На контроле я прошёл первую проверку. Паспорт – отсканировали, кивнули. Следующий этап – багаж и рамка. Я положил сумку на ленту. Сердце билось так, что в ушах звенело.

Когда сумка прошла сканер, один из охранников прищурился. Что-то сказал коллеге. Подошёл. Я заставил себя улыбнуться.

– Excuse me, sir. Can you step aside?

И всё. Комната. Зеркало. Сумка на столе.

Я знал, что теперь начнётся настоящая жизнь. Или её конец...

СУМКА, СТЕНЫ И ТИШИНА

Камера была меньше, чем кухня моей матери. Четыре бетонные стены, койка с матрасом толщиной в ладонь, ржавое ведро в углу. Воздух – будто настой из пота, плесени и дешёвой хлорки. Свет – яркий, белый, не мигающий. Он не выключался никогда. Он не светил – он пытал. Кричал без звука: «Не спи. Не дыши. Не надейся.»

Часы отобрали, но я чувствовал – прошло часов шесть, может, восемь. Никто не объяснял, где я. Не задавал вопросов. Просто оставили пластиковый поднос – каша и тёплая мутная жидкость, похожая на чай. Я не притронулся. Даже голод отступил, уступив место чему-то другому. Животному.

Щелчок замка. Тишина дернулась.

– Move, – сказал охранник. Коротко. Без эмоций. На поясе – дубинка, связка ключей, пластиковые наручники. Он кивнул, и я встал. Ноги – ватные. Шаг – как по льду.

Коридор сжимался, как кишка. Слева и справа – железные двери. За ними – чужие голоса. Крики, ругань, молитвы. Все – на разных языках. Мир, где твой голос – просто шум.

Меня завели в кабинет. Металл. Пластик. Холод. За столом – мужчина с короткой стрижкой и очками. Седина на висках, взгляд – стеклянный. Переводчик – молодой, в пиджаке, с ровным английским акцентом. Похоже, китайский казах. Смотрел на меня, как на лабораторную мышь.

– Садись, – сказал он. Я подчинился.

Следователь молча смотрел в мои глаза. Минуту. Может, две. Затем – первый вопрос:

– Name?

– Аслан, – выдавил я.

– Full name?

– Аслан Ерланулы Нуртаев.

Он что-то записал. Затем достал из папки фотографии. Моя физиономия. Аэропорт. Сумка. Кадры с камеры. Свёрток с порошком.

– Do you know what this is?

Я молчал. Переводчик повторил на казахском. Слова застряли в горле.

– Я... не знал, что в сумке, – выдавил я. – Мне сказали – не открывать. Просто доставить.

– You are charged with drug trafficking. – Голос ровный, без акцентов. – Maximum penalty is death.

Смертная казнь... Мир стал тише. Всё вокруг – будто под водой. Я сглотнул, но во рту было сухо, как в пустыне.

– У тебя будет один шанс, – вмешался переводчик. – Один. Или ты говоришь всё: кто дал, кто ждал, кто знал. Или ты – мула-кэфань. Мёртвец на бумаге. Понял?

Я кивнул. Понял. Здесь не играют в «плохого и хорошего копа». Здесь всё – сразу настоящему.

Следователь вновь заговорил:

– Who gave you the bag? Name. Phone. Address.

Я смотрел на стол. Если скажу – они найдут Айдар? Нет. Он ушёл в тень ещё до моего вылета. А если не ушёл – найдёт меня снова. Или маму. Улица не прощает тех, кто поёт.

Я поднял глаза:

– Я не знаю фамилии. Только имя. Айдар. Он был знакомый. Сказал, работа есть. Я не знал, что там наркотики.

Переводчик передал. Следователь не дрогнул. Щёлк пальцами. Я вздрогнул – думал, снова поведут в одиночку. Но повели вниз. По лестнице, где пахло сыростью и гнилью.

Дверь. Железная. Тяжёлая. За ней – общий блок. Двадцать человек. Кто-то курил. Кто-то смотрел в никуда. Кто-то смеялся, будто безумный. Воздух – будто в затхлом подвале, где давно не ступала нога Бога.

– Your new home, – сказал охранник. – Welcome to China.

Щелчок. Дверь захлопнулась. Как крышка. Не камеры. Гроба.

Я сел в угол. Спина – к стене. Подо мной – влага. Холод. И только одна мысль: «Здесь тебя никто не спасёт. Здесь ты или гниёшь. Или превращаешься в камень. Иного не дано».

Когда дверь камеры захлопнулась с металлическим щелчком, мне показалось, будто поставили точку – но не в предложении, а в жизни.

Спина болела, ноги ныло, но хуже всего было внутри – пустота и холод. Перед глазами – лицо следователя. Его спокойный голос. Слова: «death... depends on judge». Как приговор, уже вынесенный, просто без даты.

Я впервые по-настоящему испугался. Не паника, не истерика. А глубокий, звериный страх. Не за тело – за разум. За то, что могу здесь сойти с ума. Мама... Я закрыл лицо руками. Если она узнает – это убьёт её раньше болезни.

Слёзы были солёными. Горячими. Но короткими. Плакать не имело смысла. Здесь, в этих бетонных стенах, плакали только те, кто не знал правил.

ТЕНЬ У СТЕНЫ

Прошло два дня. Я ел. Спал. Дышал. По команде. На вкус – всё было одинаковым. Воздух, рис, вода. Даже лица сливались. Кто-то смеялся, кто-то ругался, кто-то молчал. Я – молчал. Потому что, если начинаешь говорить, начинаешь верить, что ты ещё человек.

В ту ночь дверь снова щёлкнула. Щелчок был другим. Тяжёлым, будто впускали не человека – приговор.

Вошёл он. Высокий. Не сутулился. Спокойный, сухой, будто вырезанный из другого материала. Узкие тёмные глаза. Чёрная щетина. Чистая, простая одежда. В руках – тонкий матрас. Он не смотрел по сторонам. Просто прошёл и положил свой матрас у дальней стены. Сел. Скрестил ноги. Смотрел в пол. Дышал ровно. Не двигался.

Некоторые в камере переглянулись. Кто-то пробурчал имя – Мурат. Но никто не заговорил. Его знали. Или уважали. Или боялись.

Я смотрел. Не мог не смотреть. В нём не было страха. Ни капли. Но и силы – тоже не той, что кричит. В нём была тишина. Какая-то другая тишина. Живая. Сжатая, как пружина.

Он молился – тихо. Без слов. Только глаза прикрыл, руки на коленях. Потом лёг. На спину. Как военный. И застыл.

На третий день я не выдержал. Он сидел у стены, как обычно – неподвижно. Я прошёл мимо. Он посмотрел. Прямо. Без слов. И я остановился.

– Ты казах? – спросил я.

– А ты? – спросил он. Голос ровный, как лёд в реке.

– Аслан. Из Шымкента.

Он кивнул.

– Мурат. Или как они тут говорят – Мула Туран. Китайский казах.

– Ты давно тут?

– Достаточно. Сначала в зоне, теперь здесь. Временная мера.

– Что за «временная»?

– Следствие. Перевод. Иногда наказание. Здесь всё – временно. Кроме одного.

– Чего?

– Того, кем ты становишься, когда всё это закончится.

Я замолчал. Он кивнул на соседнюю койку:

– Садись.

Я сел. Сердце колотилось.

– Я видел, как ты вчера хотел встать, когда охранник ударил пацана, – сказал Мурат. – Но не встал.

Я опустил голову.

– И это правильно, – добавил он. – Здесь сила не в том, чтобы ударить. А в том, чтобы дожить до завтра.

Я молчал. Слова застряли.

Он продолжал:

– Не спеши. Наблюдай. Дыши. Смотри, кому можно доверять. Смотри, кто врёт сам себе. Здесь всё слышно, если уши есть. И видно, если научиться видеть. И главное – не теряй свою суть. Камера жрёт слабых, но ещё хуже – она жрёт настоящих.

– А как не стать... тем, кого жрёт?

Мурат чуть усмехнулся. Губы еле заметно дрогнули.

– Ты уже стал. Если спрашиваешь – значит, тебе не всё равно.

Он встал. Просто – без напряжения. Как будто знал, что я запомню каждое слово.

– Запомни, Аслан. Здесь ты либо камень, либо вода. Камень бьют и ломают. Вода – точит всё, даже стены. Решай, кто ты.

И ушёл.

А я остался сидеть. Не от страха. А потому что начал слушать. Себя. Эхо в бетонной коробке. Тишину. Дыхание другого человека, который не сломался.

Мурат не был другом. Не был учителем. Он был напоминанием. Что человек может остаться человеком – даже в аду.

В камере никто не говорил лишнего. Только один китаец шепнул другому что-то, глядя на меня – и засмеялись. Я не понял слов, но понял, что теперь я – «тот самый». Новый. Чужой.

Сначала на меня просто смотрели. Оценивающе. Один китаец с лицом, как у мраморной статуи, подошёл ближе. Что-то спросил. Я не понял. Он повторил – медленно, с нажимом. Видимо, о чём-то важном. Я развёл руками. Он посмотрел на меня, как на дохлую крысу. Плюнул рядом.

Так я понял: здесь слабость пахнет. И она пахнет мной.

Потом один из них – крупный, с пудовыми кулаками – отодвинул мою миску с рисом. Просто так. Я хотел возразить, но другие замерли. Только смотрели. И я понял: либо проглотить – либо будешь глотать кровь. И я проглотил. Голод – тоже страх. Но он тише, терпеливее....

Ночь. Я не сразу понял, что сплю. Сначала подумал – умер.

Я был дома. В Шымкенте. Лето. Жара. Пыльные улицы, запах арбуза и дыни. Во дворе – мама, в платке, поливает цветы из старой пластиковой бутылки. Я сижу на скамейке, в руках чай. Горячий. Она оборачивается, улыбается. Тёплая, родная. Так улыбаются только матери, когда знают, что сын – рядом и жив.

– Аслан, ты чего худой такой? Ты ел сегодня?

– Ел, мама. Всё хорошо.

Она гладит меня по голове. Говорит: «Ты только береги себя, балам. Не лезь туда, где темно».

Я пытаюсь ответить. Сказать правду. Что уже поздно. Что я в аду. Но рот не открывается. А потом – хлопок. И вместо двора – камера. Гул вентиляции. И чужие голоса.

Я проснулся в холодном поту. Сердце билось, как в день ареста.

И понял: хуже одиночества – только память о том, что ты потерял.

Я не знал, что именно то утро станет последним. Последним, когда я проснусь в родной квартире, услышу, как на кухне кашляет мама. Последним, когда я ещё смогу повернуть назад.

Но я не повернул...

Айдар пришёл рано. С ухмылкой – как всегда. В пакете – новые кроссовки, в голосе – уверенность, как у человека, который знает все ответы.

– Всё готово. Билет на завтра. Работа – простая. Слетал, передал товар, вернулся.

Я не спросил, какой товар. Мне нужны были деньги. Маме – лекарства. Мне – escape.

– Там все будет ровно? – спросил я.

И он даже не моргнул:

– Мы же братаны, Аслан. Ровнее некуда...

ПЫЛЬ И ЗАПАХ КРОВИ

На третьей неделе я уже знал, как тут всё устроено. Кто на чьей стороне. Кто ест первый. Кто может говорить. А кто лучше бы молчал. Я старался быть тенью. Воздухом. Тренировался. Ждал.

Но один всё равно нашёлся. Высокий. С юга, по акценту. Лицо – как кирпич. На шее – наколка, на руке – красная нитка. Смеялся громче всех. Шакал, уверенный в себе.

Он подошёл, когда я мылся. Там, где не было камер. Только пар, трубы и запах хлорки.
– Чё ты, волчара, слишком чистый? – усмехнулся. Сплюнул мне под ноги.

Я вытер лицо. Шаг в сторону.

– Э, стой, – схватил за плечо.

Я обернулся. Медленно. Внутри – ни страха. Ни злости. Только понимание: надо.

Он ударил первым. В грудь. Потом – в бок. Я упал. Но не развалился. Притянул его. В живот – кулак. Потом – в печень. Он охнул. Подбородок – вверх. Коленом – в лицо. Раз-два. Все четко – я делал это на улицах и соревнованиях не раз.

Он рухнул. Захрипел. Я стоял. Дышал. Руки дрожали. Но внутри – лед.

На кафеле – кровь. Почти чёрная. Никто не подошёл. Никто не вмешался. Здесь слабость – это приговор. И судят мгновенно.

Я не чувствовал победы. Только треск. Будто что-то во мне лопнуло. И старая кожа сползла сама.

Я понял: я не просто выживу. Я стану тем, кого даже тени будут бояться.

Иногда, когда всё стихало – даже дыхание камеры, я вспоминал отца. Не голос. Не лицо. А руки – сухие, мозолистые, твёрдые.

Он никогда не говорил много. Но однажды сказал:

– Ты станешь мужчиной тогда, когда выберешь – кем быть. Камнем. Или водой.

Тогда я не понял. Теперь – дошло.

Через два дня после драки меня вызвали. Охранник не сказал ни слова. Только открыл дверь и махнул рукой. Я встал, натянул рубашку, шагнул в коридор. Холодный, как морг. Камеры смотрели из углов, как голодные птицы.

Мы шли долго. Лестница. Металлические двери. Пахло пылью, старым мылом и чем-то, что прилипало к коже – страхом. Я не спрашивал куда. Не дергался. Шёл, как надо.

Он остановился у двери. Постучал. Кивнул, чтобы прошел внутрь. Я вошёл.

Комната была простая. Стол, два стула. На одном сидел мужчина лет пятидесяти. Широкоплечий. Лицо – как из гранита. Лысый. Взгляд – цепь. За ним – двое молчащих. Один – с татуировкой тигра на шее. Второй – с чётками в пальцах.

– Садись, – сказал старший. Голос – будто наждак по дереву.

Я сел. Молчали.

Он изучал меня. Не спешил. Я смотрел прямо. Не выше. Не ниже. В глаза – нельзя. На пол – слабость. Я выбрал точку между.

– Ты с юга? – спросил он.

– С Шымкента.

– Молчун, значит. Хорошо. Болтливых тут не любят.

Опять тишина. Потом он сказал:

– Удар поставлен. Движешься правильно. Кто учил?

Я молчал секунду. Потом ответил:

– Отец.

Он кивнул. Что-то в его лице дрогнуло – вроде как уважение, но едва заметно.

– Смотри, волчара, – сказал он. – Тут не цирк. Тут стая. Каждый знает, где его место. Тебе дали шанс. Не зарывайся. И не вставай поперёк ветра.

Я кивнул.

Он сказал охраннику:

– Уведи. Пусть живёт.

И в голосе – не угроза. Приговор. Или дар.

Я вышел, а спина вся была в поту.

УРОК ОТЦА

Я был пацаном. Лет десять. В тот день меня избили – трое парней со двора. Они были старше и сильнее. Забрали магнитофон, дали по зубам. Я пришёл домой – губа разбита, руки дрожат.

Отец сидел на стуле. Пил чай. Смотрел в окно. Я думал – накричит. Или скажет, что нельзя драться. Но он только спросил:

– Сколько их было?

– Трое.

Он кивнул. Медленно встал. Вышел со мной во двор. Сел на лавку.

– Боль – это не враг. Боль – учитель, – сказал он. – Если сегодня убежал, завтра бежать будешь всю жизнь. Понял?

Я кивнул. Глотал слюну. Глаза – горели от обиды.

– Верни магнитофон, – сказал он. – Не один. Но верни. Или не возвращайся.

Он не кричал. Не бил. Только смотрел. И я понял – это не угроза. Это закон.

Тем вечером я пошёл обратно. Нашёл их. Один получил камнем. Второй – ногой в живот. Третий убежал. Магнитофон я забрал. Руки дрожали. Зубы стучали. Но я шёл обратно – не ребёнком. Мужчиной. Хоть и маленьким.

Вечером я оказался в карцере. Один.

Губы были разбиты. Пальцы ныли так, будто в них загнали гвозди. Всё тело гудело – как будто горело изнутри, под кожей.

Но впервые за долгое время – внутри было тихо. Не светло, не тепло, не спокойно – просто тихо.

Не было победы. Не было триумфа. Но я не сдался. Не лёг. Не позволил вытереть себя об пол. А значит – я был жив. И если кто-то ещё решит подойти – дважды подумает.

Я не стал сильным. Но больше не был прозрачным.

Когда меня вернули в общую, мир выглядел так же, но ощущался иначе. Те же нары. Те же лица. Те же стены, покрытые пятнами плесени и запахом сырости. Но что-то в воздухе изменилось. Не резко, не явно – как будто тень, что висела на мне, вдруг исчезла.

Лао Ю сидел в углу с перевязанной рукой. Ни разу не взглянул. Не потому что боялся – потому что теперь я был не ниже.

Остальные поглядывали. Не с уважением – с интересом. Как на мертвого, который вдруг встал и пошёл.

Впервые ко мне подошёл Чжоу. Тихий старик. Сухой, будто вырезанный из коры. Глаза – как у степного хищника. Он протянул мне миску с рисом.

– Ты в порядке, – сказал он, голосом, будто листья шуршат в октябре. – Это главное. Если можешь дать сдачи – значит, ты не мёртв.

Я кивнул. Не знал, что сказать. Да и не нужно было.

С тех пор ко мне не лезли. Не здоровались, не зазывали в свои игры. Но и не толкались, не отнимали еду, не наступали на ноги. Я больше не был призраком. Я стал частью. Грубым, неприкасаемым, но живым элементом этой тюрьмы.

И только позже понял, как изменился. Я больше не сутулился. Не прятал глаза. Шёл ровно. Мышцы болели, но тело чувствовалось не болью – а наличием.

Я всё ещё боялся. Но страх перестал быть цепью. Он стал инструментом. Он не приказывал сдаться – он предупреждал: «Смотри в оба».

ЯЗЫК КАМНЯ

Сначала я просто слушал. Сидел на нарах, спиной к стене, и ловил обрывки слов. Китайский язык звучит как сломанная музыка – будто кто-то крутит старую плёнку в обратную сторону. Он был рваным, хлестким, звонким, как стекло под ногами. Но если прислушаться – в нём появлялся ритм. Повторы. Интонации. Тени смысла.

Первые слова, которые я понял, были «еда» и «быстрее». Их бросали охранники, выкрикивали зеки, шептали по углам. Эти слова были простыми, как команды. Но за ними пряталась сила. Понимание. Спасение.

Я впитывал их, как пыль в лёгкие, как цемент в трещины. Медленно. Тяжело. Но глубоко.

Однажды ко мне подсел парень. Темнокожий, с короткими дредами, тонкий, как проволока. Позже я узнал – Жан-Поль. Из Гаити. Голос – с хрипотцой, глаза настороженные, но не враждебные.

– You from... Kazakhstan? – спросил он с лёгкой усмешкой, будто проверяя: живой ли я вообще.

– Kazakhstan, – кивнул я.

– Haiti. Drugs too?

Я выдохнул. Кивнул снова. Он усмехнулся – коротко, без радости. Как будто сказал: «Ну понятно. Мы тут все по одной статье».

Он начал учить меня – с пальцев. По-детски. Счёт до десяти, потом простые слова: «вода», «спать», «друг», «боль». Мы шептались вечерами, когда тюрьма замирала и слышно было, как капает вода из старых труб.

Каждое слово было шагом. Как будто я медленно выцарапывал себя из ямы, куда сам и прыгнул.

Я начал царапать иероглифы мелом на стене у койки. Мелкие, неуклюжие каракули. Но это был мой код. Моё сопротивление. Мой якорь.

Я всегда думал, что язык – это просто слова. Но в тюрьме язык стал бронёй. Если ты не понимаешь, чего от тебя хотят – ты мясо. Если можешь ответить хоть двумя словами – ты уже не совсем животное.

Я продолжал учить. Повторял про себя. Шептал в темноте, когда никто не слышал. Пальцем выводил иероглифы на запотевшем стекле. В этом было что-то детское, упрямое. Что-то живое.

Жан-Поль смеялся, когда я путал тоны. Вместо «вода» говорил «мама». Вместо «спать» – «умереть».

– С такой дикцией, брат, тебя точно не выпустят, – шептал он с кривой ухмылкой.

Но я не сдавался. Хватался за слова, как утопающий за корягу. Я не верил, что они меня спасут, но знал: без них – точно утону.

И в эти тихие, сосредоточенные вечера приходила мама. Невозможно было вызвать её специально. Она просто появлялась – как запах хлеба или тёплый ветер из прошлого.

Я вспоминал, как она гладила меня по голове, когда болел. Как говорила шёпотом, склонившись: «Ұлым, ешқашан өтірік айтпа. Өтірікші болма. Сол кезде ғана жүрегің таза болады». («Сынок, никогда не лги. Не будь лжецом. Только тогда сердце будет чистым».)

И в такие моменты я вспоминал, кто я. Не зэк. Не курьер. Не просто тело в серой камере. Я – её сын. И я – живой.

Однажды Жан-Поль показал мне, как пишется моё имя по-китайски. Он взял обломок деревянной ложки и начертил на полу: ### – Āsīlān.

Я смотрел на эти три символа и чувствовал: я всё ещё существую. Пусть даже только здесь. За стенами. В пыли. В тишине. Но я есть.

ЖИВАЯ КОСТЬ

Его называли «Красный». Не из-за волос – они были чёрные, как нефть. А из-за глаз. Налитые, бешеные, злые. Местный авторитет в блоке. Тощий. Пальцы нервные. Голос – как скрип ржавой двери. Его боялись все. Даже охранники.

Он не трогал меня. Сначала. Только смотрел. Иногда высыпал мой рис в унитаз. Иногда хлопал по затылку, как собаку. Я молчал. Все молчали. Потому что мы были мясом. А мясо не имеет голоса.

Пока он не ударил старика. Тихий дед. Лет шестьдесят. Кашлял по ночам. Молился на каком-то языке. Никому не мешал. Просто сидел у стены.

Ударил без предупреждения. Без слов. Просто ногой в живот. Старик сложился пополам и рухнул, как мешок с костями.

Я встал. Не подумал, а просто встал. Как будто тело знало само.

– Ещё раз тронешь – сломаю тебе руку, – сказал я. Медленно. С акцентом. Но громко. Чтобы слышали все.

Красный повернулся. Удивление. Потом – ухмылка. Глаза – как нож. Он сделал шаг ко мне.

– Повтори, – прошипел. – Повтори, обезьяна.

Я ударил первым. Он не ожидал. Я – тоже. Удар получился неловкий, но тяжёлый. Его голова дёрнулась. Он отшатнулся, и сразу врезал мне в скулу. Боль – звонкая, как выстрел. Я врезал в ответ. Мы сцепились как собаки. Упали. Кровь. Крики. Плевки. Пол из бетона – скользкий, мокрый. Нас растащили поздно. Но успели.

Карцер. Цемент. Ведро. Влажный потолок, где даже капли боятся падать.

Я не чувствовал рук, ног и лица. Только гудение в ушах. Как будто внутри работал двигатель. Но в груди что-то встало. Щёлкнуло. Не страх. Не гордость. Скорее – ось. Будто кто-то вставил в позвоночник железный штырь. Прямо и надолго.

Я не знал, простит ли меня Бог. Но точно знал – теперь я не сломаюсь.

Когда меня вернули в блок, Жан-Поль посмотрел, пожал плечами:

– Maintenant, tu es des nôtres (Теперь ты один из нас).

Старик кивнул. Ни слова. Ни улыбки. Только взгляд – тихий, живой. И больше он никогда не кашлял по ночам.

А Красный больше не трогал меня, да и других старался не задевать. Не потому что испугался. А потому что понял: я – не мясо. Я – живая кость.

Я вспоминал отца редко. Он не был мягким. Не был словесным. Учил не разговорами – поступками. Но однажды он сказал то, что я не забыл. Тогда мне было лет десять. Мы ехали на рыбалку, рано утром, в старой «Ниве» в тишине.

Он сказал:

– Жігіт деген кім екенін білесің бе? (Знаешь, кто такой джигит?)

Я пожал плечами. Он посмотрел вперёд, чуть прищурился от света.

– Жігіт деген – әлсізді қорғайтын адам. Жай адам емес. Ер адам. Егер сенің қасыңда біреуді ренжітсе, үндемей өтсең – сен де ренжіттің деген сөз. (Джигит – всегда защитник. Не простой человек. Мужчина. Если кого-то рядом обижают, а ты промолчишь – значит, и ты обидел.)

Я тогда не всё понял. Но его голос был твёрдый, как рука на руле. И я знал: эти слова – не просто слова. Это – то, что нужно запомнить. Как будто он вложил в меня камень.

– Мужик – это тот, кто стоит за слабого. Не орёт, не лезет. Но в нужный момент поднимается. Даже если страшно, – добавил он уже более твердо.

МАМА

После отбоя к решётке подошёл охранник. Лицо у него было, как кирпич – неподвижное, квадратное, без эмоций.

– Аслан.

– Я.

– Почта.

Он швырнул внутрь помятый конверт. Жёлтый, чужой, исписанный печатями и подписями. Адрес – корявым русским шрифтом: «Китай. Провинция Гуандун...».

Я узнал почерк сразу. Мамин. Родной.

Пальцы дрогнули. Я сел в угол под мутным потолочным светом.

Конверт пах... домом, лекарствами, летом.

Внутри письма не было ни слова о боли, о диагнозах, о судьбе. Ни жалоб. Ни отчётов. Только строки – как дыхание издалека:

«Я верю в тебя. Ты не плохой. Просто попал не туда. Ты сильнее, чем думаешь. Аслан – значит „лев“. Не забывай это. Я жду».

Я закрыл глаза. Что-то сжалось внутри – не в животе, не в груди – в памяти. Словно мама дотронулась до меня через письмо. Тихо, осторожно.

...Мы стояли с ней на кухне. Я был пацаном – лет десять. За окном моросил дождь, стекло в тонких струях, как слёзы. Она резала лук и вдруг сказала, не глядя:

– Знаешь, Аслан, даже когда мир рушится – человек не должен рушиться сам.

Я тогда не понял. Просто кивнул. А она вытерла руки о фартук, взъерошила мне волосы и улыбнулась.

– Ты у меня сильный. Молча всё вынесешь. Но внутри не ожесточайся.

Она обняла меня, прижала к себе. От неё пахло жареным тестом, лекарствами и теплом.

Я снова заплакал. Не как в карцере – от холода, боли, голода. А по-другому. Тихо. Без всхлипов. Просто текли слёзы. От того, что кто-то внутри... дышал. Оттого, что впервые за долгое время мне захотелось не просто выжить, а жить. По-настоящему.

Мама, я не святой. Я ошибся. Оказался в чужой стране, в чужой системе. Без языка. Без связи. Без прав. Я стал пылью, которую можно смести в угол. И никто бы не спросил – а где он?

Но я остался человеком внутри. Не потому что был сильным. Потому что выбора не было.

СТЕКЛО И СТАЛЬ

Я учился не как студент. Как зверь. На боли. На молчании. На взглядах, в которых нет ни капли надежды.

Слушал. Запоминал. Проглатывал унижение – и вставал. Каждый день. Снова и снова.

Каждое утро пахло тухлой водой, хлоркой и железом. Каждая ночь – тишиной, от которой сходят с ума.

Шаги охраны в коридоре. Щелчок замка. Крик кого-то в соседнем блоке. Потом тишина – густая, вязкая, как смола.

Я засыпал человеком. Пусть сломанным. Пусть грязным. Но человеком.

На первом месяце я пережил всё. Оскорбления. Насмешки. Плевки в еду. Кто-то пытался обоссать мои ботинки, пока я спал. Один ударил в живот, когда проходил мимо – просто так.

Я не отвечал. Сжимал зубы. Смотрел в пол.

Я не был трусом. Я копил.

Они думали – я прогнусь. Но я гнулся, как дерево в ураган – чтобы не сломаться.

И я начал писать. В голове, в памяти, в воздухе. Про каждый день. Про страх. Про то, как впервые за много лет я начал уважать себя – не за успех, а за то, что выжил и не прогнулся.

Писал, потому что боялся забыть, кем был. Потому что знал: если я забуду – меня больше не будет.

Писал, чтобы однажды кто-то это прочитал. И понял: я был жив.

Я не становился сильнее. Я становился твёрже. Как вода, что застыла в лёд. С каждым днём внутри появлялся слой, как кольца у дерева. Один – от боли. Второй – от молчания. Третий – от первой вытерпленной обиды. Пока не стал корой. Грубой. Тихой. Стойкой.

Через месяц я уже понимал команды охраны. Через два – начал отвечать. На китайском. Коряво. Но уверенно.

Иногда охранники посмеивались. Но уже не как раньше – не с издёвкой. А будто уважая. Один из них – молодой, с ожогом на щеке – однажды бросил мне словарь.

– Ты быстро схватываешь.

Я даже не сразу понял, что это без насмешки.

Это было первое нормальное предложение за два месяца, сказанное мне тут.

Потом кто-то из них протянул тетрадь. Без слов. Я понял: «Продолжай».

Я писал. Мелко, в уголках, под строчками. Не текст – ритм. Свои кости. Свои шрамы.

В казарме меня больше не трогали. Не как мякиша – уже как кость.

Однажды охранник оставил мне хлеба больше, чем другим. Молча. Я ничего не сказал. Просто взял.

Победа – это не гром. Это крошка хлеба в мёртвой тишине.

А Жан-Поль, проходя мимо, бросил:

– Ты стал как сталь. Только не забудь, зачем ковали.

Я не забуду.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

Письмо пришло с утра. Конверт был тонким. Почерк – чужой. Я уже знал: если не мать – значит, что-то не так.

Внутри лежала короткая записка. От тёти.

«Мама ушла. Во сне. Без боли. Она тебя простила. И ждала до конца».

Я не почувствовал ничего. Сначала. Просто сидел. Читал. Снова. И снова. Буквы уплывали, но я держал их взглядом. Словно если отпустить – исчезнет последнее, что связывало нас.

В камере стояла тишина. Даже те, кто раньше усмехался, – молчали. Кто-то смотрел в сторону. Кто-то – вниз. Даже охранник, проходя мимо, не сказал ни слова.

Я встал. Сделал сто отжиманий. Потом – сто приседаний. Каждое движение било в грудь. Руки дрожали. Внутри жгло. Но я продолжал. Ещё. Ещё. Пока мышцы не начали предавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.